

В. МАЖЮЛИС

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ФЛЕКСИИ

§ 1. На основании соответствующих прусских данных не представляется особо трудным реконструировать следующую прапрусскую систему гласных (характеризовавшуюся, в частности, гласными $*\bar{o}$, $*\bar{b}$, $*\bar{d}$ — лабиализованными гласными заднего ряда)¹, которую целесообразно объявить и общебалтийской², видимо, — позднеобщебалтийской³ (далее: ПОБ)⁴:

ПОБ система гласных			
$*\bar{u}$	$*i$	$*\bar{y}$	$*i$
$*\bar{b}$			
$*\bar{d}$	$*\bar{e}$	$*\bar{d}$	$*\bar{e}$

¹ И. Казлаускас, К развитию общебалтийской системы гласных — ВЯ, № 4 (1962), 22; к соответственно аналогичным соображениям (в начале 1962 г.) самостоятельно пришли и мы: В. Мажюлис, Заметки по прусскому вокализму — „Вопросы теории и истории языка“, Ленинград, 1963, 196 [теми же соображениями мы руководствовались и в нашем докладе „О происхождении балто-славянской формы генитива“ — Всесоюзная конференция по славянской филологии (программа и тезисы докладов), Ленинград, 1962, 103 (здесь по вине печати гласная \bar{a} написана \bar{a} ; эту \bar{a} в данной статье обозначаем графемой \bar{d} , см. ниже)]. Графемой \bar{d} (с точкой внизу) здесь и далее в статье обозначается не сужение соответствующего гласного, а только гласный $*\bar{d}$ (лабиализованный среднего подъема!) по противопоставлению с гласным $*\bar{d}$ (лабиализованным нижнего подъема!).

² И. Казлаускас, ук. соч., 22; В. Мажюлис, ук. соч., 197.

³ И. Казлаускас, ук. соч., 24.

⁴ Разумеется, еще до монофтонгизации восточнобалт. $*ei \rightarrow *e_1 \rightarrow$ лит. ie , лтш. ie . Графемой e_1 или \bar{d}_1 обозначаем соответствующий монофтонгизированный (из дифтонга) гласный.

§ 2. Данную ПОБ систему гласных И. Казлаускас выводит из более древней (которую назовем древнеобщепалтийской, далее: ДОБ)⁵:

ДОБ система гласных							
в ударном положении				в безударном положении			
подсистема α				подсистема β			
*ū	*ī	*ū̇	*ī̇	*ū	*ī	*ū̇	*ī̇
*ō̇	*ē̇			*ō̇	*ē̇		
*ō		*ō̇	*ē̇	*ā		*ā̇	*ē̇

Согласно И. Казлаускасу, система ударных гласных впоследствии закрепилась и в безударном положении: отсюда — ПОБ система гласных (т. е. та, которая отображена в первой таблице)⁶. Но к этому нам представляется целесообразным добавить следующее. По мере того, как при развитии ДОБ системы гласных устранялось дополнительное распределение (по ударности — безударности) в пользу подсистемы α (т. е. ударного вокализма), и в связи с тем, что в последней (т. е. в подсистеме α) имелись корреляции *ō̇ : *ē̇ и *ō̇ : *ō̇, могла образоваться и корреляция *ō̇ : x = *ō̇ : *ē̇] (ее же знала и сама ДОБ система, т. е. подсистема β), где гласный *ē̇ не обязательно сразу же должен был „вытеснить“ гласный *ē̇. Иначе говоря, мы полагаем, что перед тем, как ДОБ система гласных перешла в ПОБ систему, еще существовала следующая система, которую (условно) назовем поздней ДОБ⁷:

Поздняя ДОБ система гласных			
*ū	*ī	*ū̇	*ī̇
*ō̇	*ē̇		
*ō	*ē̇	*ō̇	*ē̇

⁵ И. Казлаускас, ук. соч., 24 (для последовательности нашего изложения употребляемые И. Казлаускасом знаки \bar{o}_1 , \bar{o}_2 и \bar{a} заменяем соответственно: \bar{o} , \bar{o} и \bar{o}).

⁶ И. Казлаускас, ук. соч., 24.

⁷ Мы полностью отдаем себе отчет в том, что допущение подобной ДОБ системы гласных, точнее говоря, „включение“ в данную систему гласного *ē̇ (разумеется задолго до эпохи соответствующей монофтонгизации дифтонгов!) нуждается в дополнительных доказательствах (некоторые из них приводим в соответствующих дальнейших параграфах данной статьи); тем не менее, принятие всего этого, по нашему мнению, оправдывают даже и соответствующие „конкретные“ балто-славянские, точнее, славяно-балтийские факты (см. далее в статье).

В данной системе пара $*\bar{o} : *ē$, не имея коррелятивов у кратких гласных, полагаем, не могла надолго быть устойчивой: гласный $*ē$ „перешел“ в $*ē^8$; видимо, отсюда и получилась ПОб система гласных. Как преобразовалась ПОб система гласных в отдельных балтийских диалектах (и говорах), напр., как осуществлялся переход балт. $*\bar{o}$ (= и.-е. $*ā$) > лит. o = лтш. $ā$, прусс. (катех.) $ā$, балт. $*\bar{o}$ (= и.-е. $*\bar{o}$) > лит. uo , лтш. uo и т. п., — все это разбирать здесь более подробно, чем это *passim* делается ниже, в данной статье не представляется обязательно необходимым⁹.

§ 3. Из вышеизложенного видим, что прусские данные для освещения истории общебалтийского вокализма имеют немаловажное ориентировочное значение. Соответственно и к тому же довольно прозрачно ориентирующими на определенную другую особенность, а именно общебалтийскую (см. ниже), целесообразно признать также прусские данные, отражающие то, что и.-е. $*\bar{o}$ в прапрусском может давать не только прусс. $*\bar{o}$ (= лит. uo , лтш. uo), но и прусс. $*\bar{o}$ > (катех.) $ā^{10}$ (= лит. o , лтш. $ā$). Такое поведение и.-е. $*\bar{o}$ в прусском объясняется, видимо, тем, что 1) в ударной позиции и.-е. $*\bar{o} \rightarrow$ прусс. $*\bar{o}$ (= лит. uo), 2) в безударной позиции и.-е. $*\bar{o} \rightarrow$ прусс. $*\bar{o}$ (= лит. o), напр. (во флексивном положении), прусс. *sīr-u* „сердцу“ (= лит. $-uo^{11}$) < $*-\bar{o}$ (где $*-\bar{o}$ предполагает древнюю окситонезу), прусс. (*as*) *cixti-a* „(я) крещу“ (= лит. $-uo > -u$) < $*-\bar{o}^{12}$ (где $*-\bar{o}$ предполагает отсутствие окситонезы). Таким образом, следует полагать, что в прусском соответственно сохранились относительно прозрачные следы того, по всей видимости, общебалтийского прошлого¹³, когда балт. $*-\bar{o}$ (< и.-е. $*-\bar{o}$) и балт. $*-\bar{o}$ (< и.-е. $*-\bar{o}!$) дополнительно распределялись по акцентным парадигмам: в подвижно-окситонированной (балт. $*-\bar{o}$ < и.-е. $*-\bar{o}$) и в баритонированной (балт. $*-\bar{o}$ < и.-е. $*-\bar{o}!$). В литовско-латышском же аналогичное распределение балт. $*-\bar{o}$ (< и.-е. $*-\bar{o}$) и балт. $*-\bar{o}$ (< и.-е. $*-\bar{o}!$) впоследствии претерпело, кажется, более значительные (чем в прусском) обобщения, а именно в пользу подвижно-окситонированной акцентной парадигмы,

⁸ Но (для славянского) ср. § 11.

⁹ Это в общих чертах дал И. Казлаускас, ук. соч., 22—24.

¹⁰ После негубных и негугтуральных согласных.

¹¹ Лит. $-uo$ = прусс. $-u$ (дат. п. ед. ч.) восходит, полагаем, к балт.-сл. $*-\bar{o}$ < и.-е. $*-\bar{o}$ (но вряд ли к и.-е. $*-\bar{o}i$), однако это предмет отдельного рассмотрения.

¹² Правда, прусские тематические формы 1 и 2 лица нуждаются в особом исследовании. Однако некоторые соображения, в частности, то, что и.-е. $*\bar{o}$ может дать (после негубных и негугтуральных) прусс. катех. $ā$ (о чем в данном параграфе говорится), кажется, позволяют возводить прусс. (*as*) *cixti-a* к и.-е. $*-\bar{o}$.

¹³ См. И. Казлаускас, ук. соч., 24; В. Мажюлис, ук. соч., 195—196.

разумеется, за исключением неокситонированных форм последней; ср. лит. *kriškštij-u* = лтш. *kristij-u* < балт. **-ō* (: прусс. *cixti-a* „я крещу“ < балт. **-ō* < и.-е. **-ō*) < и.-е. **-ō*, лит. диал. *vilk-uo* „волку“ < балт. **-ō* (: прусс. *sir-u* < балт. **-ō* < и.-е. **-ō*) < и.-е. **-ō*¹⁴, хотя лит. *vilk-o* = лтш. *vilk-a* (род. п. ед. ч.) > балт. **-ō* (данная флексия, вероятно, не являлась окситонированной и в подвижно-окситонированной парадигме¹⁵) < и.-е. **-ō*¹⁶. Как в прусском, так и в литовско-латышском можно найти примеры с балт. **ō* (= прусс. катех. *ā*¹⁷, лит. *o*, лтш. *ā*) из и.-е. **ō* и в середине слова, на чем здесь однако не будем останавливаться¹⁸.

§ 4. При всем этом мы, разумеется, не можем не отдавать себе отчета в том, что вышеизложенные соображения (как и соображения всей данной статьи) нуждаются в более детальном анализе с привлечением более обширного соответствующего материала, однако здесь мы оказываемся вынужденными считаться с тем, что подобное расширение выводило бы нас далеко за рамки настоящей статьи¹⁹. Как бы ни уточнялось вышесказанное, от этого, считаем, не могут (по крайней мере, существенно) изменяться следующие, в дальнейшем нас особо интересующие выводы: во-первых, общебалтийскому были известны краткий **ō* (= и.-е. **ō* и **ā*) и долгие **ō̄* (= и.-е. **ō̄*) : **ō̄* (= и.-е. **ā̄*) и, во-вторых, гласный прусс. (катех.) *ā*, лит. *o*, лтш. *ā* вполне может быть возведен не только к и.-е. **ā* (> балт. **ō̄*), но (в соответствующих случаях) и к и.-е. **ō̄* (в безударном положении).

§ 5. На основании того, что славянские языки стоят ближе всего к балтийским²⁰, мы не считаем невероятным принятие того, что развитие

¹⁴ См. сноску № 11.

¹⁵ Неокситонированной являлась и славянская *o*-основная форма род. п. ед. ч. (устное сообщение В. А. Дыбо).

¹⁶ Лит. (*vilk*)-*o* = лтш. (*vilk*)-*a* = ст.-сл. (*vľbk*)-*a*, кажется, восходит к „аблативной“ и.-е. **-ō̄* (но не обязательно к и.-е. **-ō̄d/t*), что будет рассмотрено позднее.

¹⁷ После негубных и негutturальных.

¹⁸ См., напр., В. Мажюлис, ук. соч., 195–196 (там же литература).

¹⁹ По тем же соображениям в данной статье сильно ограничен обзор (resp. привлечение) соответствующей научной литературы; кроме того, в статье опущено изложение некоторых наших наблюдений над развитием балто-славянских кратких гласных (но изложение всего этого имело бы определенное значение при аргументации соответствующих положений и настоящей статьи).

²⁰ Представляется возможным „считать модель, установленную для славянского, результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния“ — В. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, Москва, 1958, 39 (на данный вывод, хотя его и не указывая, мы опираемся во многих местах данной статьи).

индоевропейской системы гласных на общеславянской почве до определенной эпохи характеризовалось этапами, аналогичными общебалтийским, иначе говоря, эволюционные этапы общеславянской системы гласных могли быть в общем тождественными с этапами развития общебалтийской системы гласных, видимо, до эпохи ПОБ (полагаем, исключительно²¹). Следовательно, допускаем, что древнеобщеславянская (далее: ДСС), напр., поздняя ДСС система гласных могла быть, по крайней мере, близкой к поздней ДОБ системе гласных (см. третью таблицу); отсюда, видимо, вытекает:

Поздняя ДСС система гласных			
* <i>ū</i>	* <i>i</i>	* <i>ÿ</i>	* <i>i</i>
* <i>ō</i>	* <i>ē</i>		
* <i>o</i>	* <i>e</i>	* <i>o</i>	* <i>e</i>

Допущение подобной системы гласных для ДСС и, в частности, принятие до определенной общеславянской эпохи гласных **ō* и **o* (об **ē* см. § 11) соответственно (см. ниже) подтверждается, видимо, и тем обстоятельством, что индоевропейские **ō* и **ā* в открытом слоге дают ст.-сл. *a* [напр., ст.-сл. *dъv-a* = гр. *δύ-ω* и ст.-сл. *(rǫk)-a* = гр. *(χώρα)-ā*, ст.-сл. *da-ti* = лит. *dūo-ti* и ст.-сл. *sta-ti* = лит. *stó-ti* и др.], в то время как в закрытом слоге (см. § 6) гласный ст.-сл. *y* (= *yl*) получается не только из и.-е. **ō* (это как будто не нуждается и в особых доказательствах), но и из и.-е. **ā*, ср., напр., ст.-сл. *(rǫk)-y* (род. п. ед. ч.) = лит. *(raĩk)-os* (< балт. **-ōs!*); правда, А. Мейе утверждает, что ст.-сл. *(rǫk)-y* восходит к и.-е. **-ās*, где согласный **-s* якобы сделал предшествующий гласный более закрытым²². Однако, учитывая вышеизложенное, следует полагать, что в определенную общеславянскую эпоху и без „влияния данного **-s*“ предшествующий гласный в этой флексии был „закрытым“: следовательно, ст.-сл. *(rǫk)-y* восходит, видимо,

²¹ См. таблицу „ПОС [позднеобщеславянская] система гласных“ в § 10.

²² А. Мейе, *Общеславянский язык* (перевод), Москва, 1951, 121. Правда, относительно генезиса ст.-сл. *(rǫk)-y* (род. п. ед. ч., а также им. п. мн. ч., вин. п. мн. ч.) имеется много гипотез, обстоятельную критику которых см. П. С. Кузнецов, *Очерки по морфологии праславянского языка*, Москва, 1961, 73–75; однако возражение П. С. Кузнецова (ук. соч., 73) против гипотезы, генетически отождествляющей ст.-сл. *(rǫk)-y* с лит. *(raĩk)-os*, ввиду дальнейших соображений, излагаемых в данной статье, нам не представляется состоятельным.

к сл. **-ōs* (ср. § 10) = балт. **-ōs* (= лит. *-os*, лтш. *-as*); а это уж предполагает то, что общеславянскому были известны гласные **ō : *ō̄* = балт. **ō : *ō̄*. Наличие в общеславянском оппозиционных **ō : *ō̄* (= балт. **ō : *ō̄*) соответственно подтверждают не только эти же старославянские данные нейтрализующейся эволюции (т.е. ст.-сл. *a* < сл. **ō : *ō̄* и ст.-сл. *y* < сл. *ō : *ō̄*), но и следующие данные релевантной эволюции, напр., ст.-сл. (*vlobk*)-*ѡ* (род. п. мн. ч.) < **-ŷn* < *-ŷn* < сл. **-ōn* = балт. **-ōn* (см. §§ 7, 9): ст.-сл. (*ropk*)-*ѡ* (вин. п. ед. ч.) < ... < сл. **-ōn* = балт. **-ōn*.

§ 6. Балто-славянские гласные выступали: а) в открытом слоге, б) в закрытом слоге, точнее в консонантной закрытости слога; кроме того, балто-славянские гласные выступали в) в сонантно-закрытом положении — в дифтонгах (т.е. гласные + тавтосиллабические сонанты), которые функционировали, разумеется, и в открытом, и в закрытом слогах. В балтийских диалектах мы затрудняемся указать такие примеры, которые свидетельствовали бы о том, что в древнеобщеславянском resp. балто-славянском гласные **ō̄* < и.-е. **ō* и (возможно) **ē̄* < и.-е. **ē̄*²³ в сонантной закрытости выступали в середине слова (из-за ограниченного объема данной статьи причины всего этого здесь однако не будем разбирать)²⁴: подобные примеры ясно прослеживаются только для исхода балто-славянского слова (напр., лит. *vilkū* < балт. **-ōn*, *ses-uō* < балт. **-ōr* и др.). Однако примеров с сонантно-закрытыми балт.-сл. **ō̄* и **ē̄* как в исходе, так и в середине слова можно указать много (напр., лит. *v-á-r-na* < балт.-сл. **-ō-r-*, лит. вин. п. ед. ч. *várn-a* < балт.-сл. **-ō-n* и др.). Что же касается закрытых слогов (консонантной закрытости слога), то они в славянском (той древней эпохи) имелись, видимо, только в исходе слова (т.е. главным образом пе-

²³ Ведь балт.-сл. **ē̄* является соответствующим коррелятом именно гласного балт.-сл. **ō̄*!

²⁴ Потенциальная погрешность данного положения может заключаться, полагаем, только в том, что в балто-славянском для сонантно-закрытых **ō̄ : *ē̄* в середине слова имелось ничтожное количество примеров, которыми, полагаем, являлись, в основном, такие, где сонантно-закрытые балт. **ō̄ : *ē̄* (в середине слова!) выступали не как „самостоятельные“ (постоянные) сонантно-закрытые гласные, а как позиционные варианты (позиционно) открытых балт.-сл. **ō̄ : *ē̄*, т.е. примеры типа лит. *p-ùl-ti* < балт. **-ōl-*, но *p-úo-lu*, *p-úo-liau*, *p-uo-las* и т.д. < балт. **-ō-*; лит. *ašt-uñ-tas* (кстати, явно не общеславянское образование), но *ašt-uo-ni* и т.п. Возведение, напр., лит. (*l*)-*uo-(bas)* к и.-е. **-ōu-* не обосновано по целому ряду причин, ср. хотя бы J. Kuryłowicz, *Łotewsko-litewska monoftongizacja ai, ei ≥ ie*, ВРТЖ XV (1956), 123–125. В том, что, напр., лит. *-ui-* типа *l-ù-i-ba* „пентюх“ (: *l-ái-bas* „тонкий“) восходит к и.-е. **-ōi-* (К. Būga, *Rinkiniai raštai*, I, Vilnius, 1958, 459), также приходится сомневаться.

ред *-s²⁵), — этот вывод мы делаем с соответствующим учетом балтийских языков, в которых закрытые слоги, по нашим предварительным наблюдениям²⁶, выступают только в исходе слова. Ввиду того, что гласные сл. * \bar{o} :* \bar{o} resp. * \bar{e} :* \bar{e} только в открытом слоге (середина и исход слова), но не в закрытом (исход слова!), дали (т. е. нейтрализовались) сл. * \bar{o} :* \bar{e} > ст.-сл. *a*:*ě*, а сонантно-закрытые гласные сл. * \bar{o} :* \bar{o} resp. * \bar{e} :* \bar{e} претерпели соответствующую релевантную эволюцию, причем сонантно-закрытые сл. * \bar{o} :* \bar{e} выступали только в исходе слова, можно делать, напр., такой вывод: 1. гласных сл. * \bar{o} :* \bar{e} , не перешедших в ст.-сл. *a*:*ě*, целесообразно искать только: а) в консонантной закрытости слога — исход слова и б) в сонантно-закрытом положении — исход слова, 2. гласные сл. * \bar{o} :* \bar{e} , не перешедшие в ст.-сл. *a*:*ě*, могут быть обнаружены только: а) в консонантной закрытости слога — исход слова и б) в сонантно-закрытом положении — как исход, так и середина слова.

§ 6. Флексия лит. (*vilk*)-*ũ* < *-un* восходит несомненно к **-uon* < балт. **-ōn* (< и.-е. **-ōm*). Лтш. (*vilk*)-*u*, (*t*)-*ūo* resp. (*lab*)-*uō* к той же балт. **-ōn* (обозначение \bar{o} — наше) возводятся в первом и втором изданиях „Латышской грамматики“ Я. Эндзелина²⁷, хотя в последнем издании делается дополнительное замечание: „Сама по себе лтш. *-uo* > *-u* могла бы соответствовать прусской *-an* (*grikan*), как будто вместе со сл. *-ō* и др., кажется, восходящей к и.-е. **-ōm*, как думают... Однако, поскольку латышский язык стоит ближе к литовскому, чем к прусскому, то лтш. *-u* тут скорее идентична с лит. *-u*“²⁸. Правда, Я. Эндзелином предлагаемое объяснение того, каким образом балт. **-ōn* дала лтш. (*vilk*)-*u* [и (*t*)-*ūo* resp. (*lab*)-*uō*], следует считать, кажется, спорным: данная лтш. (*vilk*)-*u* в процессе своего развития из балт. **-ōn* > (пра)лтш. **-uon* имела, по нашему мнению, звенья (лтш. *vilk-u* <) **-ū* < **-ūn* (< **-uon* < балт. **-ōn*), но вряд ли (Я. Эндзелином предлагаемые) звенья (лтш.

²⁵ Мы считаем, что традиционное допущение согласного (в особенности) **-t* resp. **-d* (очень рано исчезнувшего) в конце балто-славянского слова в целом ряде случаев подлежит пересмотру (но это — тема отдельной работы), ср., в частности, В. Н. Топоров, О некоторых архаизмах балтийского глагола, „International Journal of Slavic Linguistics and Poetics“, V, 1962, 31—57.

²⁶ Связанным, в частности, с тем, что в словах, напр., лит. *jūo-st-a* (ср. *st-óti*), *aũ-št-a* (ср. *št-ai*), *kė-kšt-as* и т. п. группы согласных *-st-*, *-št-*, *-kšt-* и др. „отходят“ ко второму слогу („не закрывая“ первого слога!): *jūo-sta*, *aũ-šta*, *kė-kštas* и т. п. (а не *jūos-ta* и т. п.).

²⁷ Т. е. в немецком и латышском изданиях: J. Endzelin, Lettische Grammatik, Riga, 1922, 295; J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, 401.

²⁸ J. Endzelīns, ук. соч., 401 (разрядка наша. — В. М.).

vilk-u <) *-uo < *-uo (< *-uon < балт. *-ōn)²⁹. Кстати, здесь для нас важнее не столько данные звенья, сколько то, что самый общий вывод Я. Эндзелина — генетическое отождествление лтш. (*vilk*)-*u* и (*t*)-*ūo* resp. (*lab*)-*uō* с лит. (*vilk*)-*ū* (последняя же несомненно из балт. *-ōn!) следует признать вполне вероятным, тем более, что имеются все основания допускать ту же балт. *-ōn < и.-е. *-ōm (т. е. не с кратким гласным!) не только для прусс. (*grec*)-*on* (resp. *grec-un*)³⁰, но и для прусс. (*grik*)-*an* (последнюю обычно возводят к и.-е. *-ōm)³¹. Отсюда вывод: флексии род. п. мн. ч. лит. (*vilk*)-*ū*, лтш. (*vilk*)-*u* и (*t*)-*ūo* resp. (*lab*)-*uō*, прусс. (*grec*)-*on* resp. (*grec*)-*un* и (*grik*)-*an*, — они все, вероятно, предполагают балт. *-ōn (и.-е. *-ōm).

§ 7. Те, которые не соглашаются с возведением ст.-сл. (*vilk*)-*ъ* (род. п. мн. ч.) к и.-е. *-ōm, ссылаются, в первую очередь (что, разумеется, вполне законно), на прусс. (*grik*)-*an*, считая, что последняя из и.-е. *-ōm; однако прусс. (*grik*)-*an* (как и *grec-on* resp. *grec-un*), по всей видимости, из и.-е. *-ōm (см. § 6)³². А. Вайан считает, что *ō*-основная флексия

²⁹ Полагаем, что лтш. (*t*)-*ūo* < балт. *-ōn, будучи в постоянной ударности, не сократила долготу (ср. лтш. твор. п. ед. ч. *t-uo* = лит. *t-uo* и т. п.), следовательно, теряла *-n; лит. (*t*)-*ū* появилась, быть может, не без соответствующего влияния со стороны формы род. п. мн. ч. неодносложных имен. Против возведения лтш. (*vilk*)-*u* (род. п. мн. ч.) к *-ū < *-ūn < *-uon (< балт. *-ōn), кажется, не может возражать и лтш. (*maz*)-*uō* (род. п. мн. ч.), ср., напр., лит. (*mil*)-*o-iu* наряду с (*masz*)-*u-iu* (Mažvydas; см. Chr. S. Stang, Die Sprache des litauischen Katechismus von Mažvydas, Oslo, 1929, 62—63); данная старолит. -*o-iu* представляет, вероятно, -*uo-* (ср. Z. Zinkevičius, Lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių istorijos bruožai, Vilnius, 1957, 28), восходящую к балт. *-ōn- > лтш. *-uo- > -*uō* (исчезновение сонанта *-n- перед сонантическим согласным *-j- здесь происходило, видимо, до сокращения тавтосиллабических долгот, что однако нуждается в дополнительном рассмотрении).

³⁰ Ср., напр., J. Endzelīns, Senprūšu valoda, Rīgā, 1943, 59.

³¹ О том, что прусс. -*an* (род. п. мн. ч.) может быть возведена к прусс. *-ōn < и.-е. *-ōm (и.-е. *ō может дать прусс. катех. *ā* = лит. *o* = лтш. *ā*, см. § 3), ср. еще: Chr. S. Stang, Slavonic Accentuation, Oslo, 1957, 96, В. Мажюлис, ук. соч., 194—195, его же, О происхождении балто-славянской формы генетива — „Всесоюзная конференция по славянской филологии“ (программа и тезисы докладов), Ленинград, 1962, 103 (здесь же по вине печати гласная *ā* написана *ā*).

³² Правда, напр., П. С. Кузнецов (Очерки по морфологии праславянского языка, Москва, 1961, 71—72) ссылается, кроме прусской, на умбрскую флексию род. п. мн. ч., возведение которой к и.-е. *-ōm, однако, и после соображений П. С. Кузнецова (который критикует Х. С. Станга) нам не представляется обязательно приемлемым. Кстати, здесь для славянского важнее балтийские (в которых, в том числе и прусском, представлена балт. *-ōn, см. выше), чем умбрские данные!

и.-е. $*-\bar{o}n$ (род. п. мн. ч.) должна была дать сл. $*-y$ (= ст.-сл.-у)³³; но подобный переход (т. е. и.-е. $*-\bar{o}n \rightarrow$ сл. $*-y$ = ст. сл.-у) в славянском происходил, по нашему мнению, не с плурально-генитивным дифтонгом и.-е. $*-\bar{o}n$ ³⁴, а с сингулярно-номинативным (*n*-основным!) и.-е. $*-\bar{o}n$, о чем см. §§ 9, 10. Считаем, что наиболее правы те, которые ст.-сл. (*vľbk*)-ѣ (род. п. мн. ч.) возводят к и.-е. $*-\bar{o}n$ (resp. $*-\bar{o}m$) \rightarrow $*-\bar{y}n > *-\bar{y}n$ ($>$ ст.-сл.-ѣ)³⁵, а ст.-сл. (*kam*)-у — к и.-е. $*-\bar{o}n \rightarrow *-\bar{y}n > *-\bar{u}$ ($>$ ст.-сл.-у)³⁶; однако против такой гипотезы имеются определенные возражения, которые нам представляются оправданными лишь в том отношении, что она (т.е. данная гипотеза) не смогла надлежащим образом использовать, в частности, (соответствующие) балтийские данные, ориентирующие именно на возведение ст.-сл.-ѣ (род. п. мн. ч.) $< *-\bar{y}n < *-\bar{y}n < *-\bar{o}n$ (и.-е. $*-\bar{o}m$ resp. $*-\bar{o}n$) и ст.-сл. (*kam*)-у $< *-\bar{u} < *-\bar{y}n < *-\bar{o}n$ (и.-е. $*-\bar{o}n$), см. ниже. К этому добавим методологическое замечание: фонетику эволюции ст.-сл.-ѣ (род. п. мн. ч.) = лит.-ц из балт.-сл. $*-\bar{o}n$ (и.-е. $*-\bar{o}m$ resp. $*-\bar{o}n$) полезно решать в определенной связи (или до определенной степени) с фонетикой эволюции ст.-сл.-у (напр., *kam*-у) = лит. -uo (напр., *akt-uõ*) из балт.-сл. $*-\bar{o}n$ (и.-е. $*-\bar{o}n$) по той простой причине, что в (обще)балто-славянском дифтонге $*-\bar{o}n$ в обоих случаях являлся фонетически одним и тем же; данный балт.-сл. $*-\bar{o}n$ здесь „раздвоен“ только по морфологическим причинам (впоследствии приведшим и к фонетическому „раздвоению“, см. ниже).

³³ A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, II (Morphologie, 1e Partie: Flexion nominale), Lyon-Paris, 1958, 36.

³⁴ Обозначать ли и.-е. $*-\bar{o}n$ или и.-е. $*-\bar{o}m$ — это здесь не столь существенно.

³⁵ Ср., напр., Chr. S. Stang, Slavonic Accentuation, Oslo, 1957, 96 (и литература).

³⁶ Ср., напр., А. М. Селищев, Старославянский язык, Москва, 1951, 121, 149. Возведение же ст.-сл. (*kam*)-у к древнейшему $*-\bar{o}ns$ (так считают, напр.: Т. Milewski — „Slavia“, XI, 6; A. Vaillant, ук. соч., 205; П. С. Кузнецов, ук. соч., 29) не находит опоры в балтийских и других индоевропейских языках, а главное — такого возведения не требует и сама славянская фонетика (см. ниже в статье). По тем же соображениям нам кажется вероятным возведение ст.-сл. (*ber*)-у (причастие) к сл. $*-\bar{o}n$ = гр. (φέρ)-ων (ср. соответствующую литературу, напр., в книге: О. Hujer, Slovanská deklinace jmenná, Praha, 1910, 43–44), но в этой же связи требуются дополнительные разъяснения истории некоторых других балто-славянских (в том числе и, напр., ст.-польск. *rzek-a*) фактов (на которых останавливаться в данной статье не будем), кстати, по нашему мнению, не противоречащих тому, чтобы ст.-сл. (*ber*)-у был возведен к сл. $*-\bar{o}n$ (а не к сл. $*-\bar{o}ns$). Описанному нами выше не противоречит, видимо, и ст.-сл. (*ber*)-ѣ „беру“ $< \dots <$ сл. $*-\bar{o}n \leftarrow$ сл. $*-\bar{o}$ (ср. прусс. *cixti-a* $< *-\bar{o}$, см. § 3) $<$ балт.-сл. $*-\bar{o}$ (ср. еще § 10), т. е. с сравнительно поздним добавлением сонанта $*-n$, ср. В. Н. Топоров, К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола, ВСЯ V 64.

§ 8. Из сопоставления, напр., лит. *(akm)-uõ* (им. п. ед. ч.) < **-uon* < балт. **-õn* (= гр. ἄκμ-ων) и *(vilk)-ũ* (род. п. мн. ч.) = диал. *-ũn* < **-uon* < балт. **-õn* (= гр. λόγ-ων) вытекают следующие выводы: а) эпохи исчезновения конечного **-n* после балт. **-õ-* в обоих случаях не тождественны, б) основной **-n* (лит. *akm-uõ* < балт. **-õn*) исчез гораздо раньше³⁷, чем флексийный **-n* (лит. *vilk-ũ* = диал. *-ũn* < балт. **-õn*) и в) основной **-n* исчез до начала эпохи действия закона сокращения тавтосиллабических долгот, а флексийный **-n* — гораздо позднее начала данной эпохи (этот же **-n* сохранился даже и в некоторых современных литовских говорах!). Отсюда заключаем: дифтонг балт. **-õn* в первом случае (лит. *akm-uõ*) не претерпел сокращения тавтосиллабической долготы — балт. **-õn* > **-uon* > лит. *(akm)-uõ*, а во втором случае (лит. *vilk-ũ*) такое сокращение именно происходило — балт. **-õn* > **-uon* > **-ũn* (сокращение!) = лит. диал. *-ũn* > *(vilk)-ũ*.

§ 9. Основываясь на вышесказанном, соответственно аналогичное допускаем и для славянского: 1) сл. **-õn* > **-ũn* > **-ũ* > ст.-сл. *(kam)-y* (ср. балт. **-õn* > **-uon* > лит. *akm-uõ*) и 2) сл. **-õn* > **-ũn* > **-ũn* (сокращение!³⁸) > ст.-сл. *(vľk)-ẓ* (ср. балт. **-õn* > **-uon* > **-ũn* = лит. диал. *-ũn* > *vilk-ũ*). Сопоставление ст.-сл. *(kam)-y* < сл. **-õn* (и.-е. **-õn*) и лит. *(akm)-uõ* < балт. **-õn* (и.-е. **-õn*) требует признания того, что отпадение основного **-n* после этого же долгого гласного происходило не только не в (обще)индоевропейскую эпоху, но даже и не в (обще)балто-славянскую (в противном случае имелись бы ст.-сл. **kam-a* = лит. *akm-uõ*, а не ст.-сл. *kam-y* = лит. *akm-uõ*). Далее, эти же ст.-сл. *-y* (*kam-y* < сл. **-õn*) = лит. *-uo* (*akm-uõ* < балт. **-õn*) и ст.-сл. *-ẓ* (*vľk-ẓ* < сл. **-õn*) = лит. *-u* (*vilk-ũ* < балт. **-õn*) уже сами по себе являются достаточными аргументами (впрочем, имеются и другие!) для установления того, что сокращение тавтосиллабических долгот происходило не в (обще)балто-славянскую эпоху (в таком случае мы ожидали бы, вероятно, ст.-сл. **kam-ẓ* < **-õn* = лит. **akm-ã*³⁹ : ст.-сл. *vľk-ẓ* = лит. **vilk-ã*⁴⁰ или, наконец, что-либо другое), а гораздо позднее.

³⁷ Ср. § 12.

³⁸ Сокращение **-ũn* > **-ũn* допускал уже А. Лескин (его же, *Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen*, Leipzig, 1876, 84), однако без достаточной аргументации.

³⁹ Если же здесь сокращение тавтосиллабической долготы происходило бы очень рано, то сонант **-n* позднее вряд ли отпал бы, точнее, сл. **-õn* = балт. **-õn* в таком случае вряд ли дали бы ст.-сл. **(kam)-o* = лит. **(akm)-a* (ср. соответственно сказанное в § 12).

⁴⁰ Однако имеем ст.-сл. *(kam)-y* = лит. *(akm)-uõ*, а равенство ст.-сл. *vľk-ẓ* = лит. **(vilk)-ã* также не реально (литовский знает *vilk-ũ*!).

§ 10. Что же касается перехода сл. $*-\bar{o}n > *-\bar{u}n$ (*kam-y < ... *-\bar{u}n*, *v/bk-ъ < ... *-\bar{u}n*), мы объясняем его следующими соображениями. Когда первоначальное противопоставление сл. $*\bar{o} : *-\bar{o}$ в открытом слоге оказалось нейтрализованным „в пользу“ $*\bar{o}$ (этот же $*\bar{o}$ впоследствии дал ст.-сл. *a*), в консонантно-закрытом слоге и в сонантно-закрытом положении данные сл. $*\bar{o} : *-\bar{o}$ не переходили в $*\bar{o}$, т. е. гласный сл. $*-\bar{o}$ не расширялся, следовательно, он должен был сужаться и совпасть со сл. $*\bar{u}$; аналогичным образом в открытом слоге славянские $*\bar{e} : \bar{e}$ (см. § 11) могли бы дать $*\bar{e}$, а в консонантной и сонантной закрытости гласный $*\bar{e}$ совпал с $*\bar{i}$ (см. § 11). Следовательно, для ПОС можно предполагать такую систему гласных:

ПОС система гласных			
$*\bar{u}$	$*\bar{i}$	$*\bar{y}$	$*\bar{r}$
$*\bar{o}$	$*\bar{e}$	$*\bar{ö}$	$*\bar{ě}$

Когда такой сл. $*\bar{o}$ (ПОС!) в открытом слоге дал сл. $*\bar{a}$, этот же сл. $*\bar{o}$ в (консонантно-)закрытом слоге не расширялся, т. е. сузился в $*\bar{u}$, напр., ст.-сл. (*rok*)-у (род. п. ед. ч.) < сл. $*-\bar{o}s =$ балт. $*-\bar{o}s$ (ср. § 5); сонантно-закрытого сл. $*\bar{o}$ в эпоху ПОС, видимо, уже не было (он был сокращен).

§ 11. Отпадение основного сонанта $*-n$ в лит. (*akm*)-*uõ* < и.-е. $*-\bar{o}n$ (= гр. $\acute{\alpha}\kappa\mu-\omega\nu$) = ст.-сл. (*kam*)-у и в санскр. (*asm*)-*ā* = лат. (*hom*)-*ō* и т. п. во всех этих языках является несомненно аналогичным, хотя, вероятно, и самостоятельным процессом (ср. хронологически разное исчезновение основного $*-n$ уже и в балто-славянских языках). Далее, полагаем, что отпадение основного $*-n$ в балтийском (да и не только в балтийском) после балт. $*-\bar{o}$ - соотносится с отпадением основного $*-n$ и после балт. $*\bar{e}$ (< и.-е. $*\bar{e}$), напр., лит. (*om*)-*ẽ* „инстинкт“ < и.-е. $*-\bar{e}n^{41}$ (= гр. $\alpha\upsilon\chi-\acute{\eta}\nu$). Наконец, кажется, допустимо, что исчезновение основного $*-n$ после и.-е. $*-\bar{o}/\bar{e}$ - связано и с исчезновением основного $*-r$ после тех же и.-е. $*-\bar{o}/\bar{e}$ - > балт. $*-\bar{o}/\bar{e}$ - = сл. $*-\bar{o}/\bar{e}$ - : лит. (*ses*)-*uõ* < балт. $*-\bar{o}r$ (< и.-е. $*-\bar{o}r$), прусс. Е (*moth*)-*e* = лит. (*mót*)-*ė* = лтш. (*māt*)-*e* < балт. $*-\bar{e}r$ (< и.-е. $*-\bar{e}r$) и др., ср. санскр. (*māt*)-*ā* и т. п. О том, что основные сонанты $*-n$ и $*-r$ после и.-е. $*-\bar{o}/\bar{e}$ - > балт.-сл. $*-\bar{o}/\bar{e}$ - исчезли одновре-

⁴¹ О лит. *om-ẽ* см., напр., Pr. Skardžius, Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1943, 46.

менно (или приблизительно в ту же самую эпоху), кажется, свидетельствуют лит. *(akm)-uõ* < балт. **-õn*: лит. *(mót)-ė* < балт. **-ēr* = ст.-сл. *(kam)-y* < сл. **-õn*: ст.-сл. *(mat)-i* < сл. **-ēr* (см. ниже). Мы считаем, что переход предполагаемого сл. **-ēr* > **-īr* > **-ī* > ст.-сл. *(mat)-i* следует объяснять соответственно аналогичными соображениями⁴², что и переход сл. **-õn* > **-ūn* > **-ū* > ст.-сл. *(kam)-y* (о чем см. §§ 7, 8, 9), — когда славянские **ē*:**ē̄* в открытом слоге дали сл. **ē̄*, в сонантной и сонантной закрытости (см. § 6) данные сл. **ē*:**ē̄* не нейтрализовались, т. е. гласный сл. **ē̄* не расширялся (по направлению к сл. **ē̄*), следовательно, он должен был сужаться и совпасть с сл. **ī*⁴³ (см. еще § 10). Таким образом, не только балт. **-õn* > лит. *(akm)-uõ* = сл. **-õn* > ст.-сл. *(kam)-y*, но и балт. **-ēr* > лит. *(mót)-ė* = сл. **-ēr* > ст.-сл. *(mat)-i*, вероятно, свидетельствуют о том, что исчезновение основных сонантов (**-n*, **-r*) после балт.-сл. **-õ/ē̄-* (< и.-е. **-ō/ē̄-*) происходило не в (обще)-индоевропейскую и даже не в (обще)балто-славянскую эпоху (в таком случае были бы ст.-сл. **mat-ě*, **kam-a*, ср. сказанное в § 9), а гораздо позднее (ср. § 9). Правда, основные балт.-сл. **-õ/ē̄n* resp. **-õ/ē̄r* (схема: **-õ/ē̄n|r*) в старославянском представлены примерами только для сл. **-õn* resp. **-ēr* (дифтонгическая схема однако та же: **-õ/ē̄n|r*!): ст.-сл. *(kam)-y* resp. *(mat)-i*; но от этого, видимо, не меняется положение вещей. Кстати, не исключена возможность и того, что славянские примеры, соответствующие лит. *(ses)-uõ* < балт. (-сл.) **-õr* resp. лит. *(om)-ė̃* < балт. (-сл.) **-ē̄n*, до определенной (славянской) эпохи существовали⁴⁴. Если же основные сл. **-õr* (= лит. *ses-uõ*, санскр. *svas-ā*, гр. -ωρ) resp. **-ē̄n* (= лит. *om-ė̃*⁴⁵, санскр. *rāj-ā*, гр. ποικ-ήν) дошли бы до старославянского, то они, в связи с вышеизложенным, учитывая соотношение ст.-сл. *(kam)-y*: лит. *(akm)-uõ* (балт.-сл. **-õn*) = лит. *(ses)-uõ*: ст.-сл. *x₁* (балт.-сл. **-õr*) resp.

⁴² Правда, относительно происхождения ст.-сл. *(mat)-i* имеется ряд гипотез, из которых ни одна не оказалась общепринятой. Наиболее популярная традиционная гипотеза, основанная на соответствующих интонационных соображениях, также не является вероятной, ср., напр., П. С. Кузнецов, ук. соч., 29.

⁴³ Ввиду того, что случаи с гласным сл. **ē̄* в сонантной и сонантной закрытости, к тому же, определявшейся, по-видимому, только исходом слова (см. § 6), были довольно редки, не следует удивляться тому, что примеров с ст.-сл. *i* из сл. **ē̄* сохранилось очень мало. По соответственно аналогичным причинам немного (хотя и больше) имеем примеров и с **ū* из сл. **ō̄*. Относительно ст.-сл. *(mat)-i* ср. и Т. Milewski, ук. соч., 30—31.

⁴⁴ Кстати и в литовском сохранился, кажется, только один пример (*ses-uõ*); литовские примеры типа *om-ė̃* сейчас склоняются уже по типу *ē̄*-основ, ср. даже лит. диал. *dukt-ė̃*, *-ė̃s* и др.

ст.-сл. *(mat)-i*: лит. *(mot)-ė* (балт.-сл. **-ēr*) = лит. *(om)-ė*⁴⁵: ст.-сл. x_2 (балт.-сл. **-ēn*), дали бы, по всей видимости: $x_1 = \text{сл. } *-ōr > *-ūr > *-ū > \text{ст.-сл. } *-y$ (ср. сл. **-ēr > *-īr > *-ī > \text{ст.-сл. } mat-i*) и $x_2 = \text{сл. } *-ēn > *-īn > *-ī > \text{ст.-сл. } *-i$ (ср. сл. **-ōn > *-ūn > *-ū > \text{ст.-сл. } kam-y*). Ввиду того, что из балт.-сл. **-ēn* ожидали бы ст.-сл. **-i* (= лит. *om-ė*, санскр. *rāj-ā*), то ст.-сл. *(sēm)-ę* (сред. род) следует возводить, вероятно, к сл. **-ēn* (или к **-īn < и.-е. *-n*)⁴⁶.

§ 12. Сомневаться в том, что основные сонанты **-n* и **-r* после и.-е. **-ō/ē-* в балто-славянских и соответствующих других индоевропейских диалектах исчезли сравнительно рано, не следует, хотя сами причины данного процесса нам не представляются ясными. По этому поводу мы со всей осторожностью допускаем только следующее. Отпадение основных **-n* и **-r* в указанных случаях, быть может, обусловлено, в частности, тем обстоятельством, что основные сонанты **-n* и **-r* в основных и.-е. **-ō/ēn* resp. **-ō/ēr* с определенной эпохи оказались избыточными⁴⁷ (см. ниже). При этом нельзя не учесть и того, что образование resp. наличие избыточности, разумеется, ещё не означает, что избыточность обязательно или тотчас же должна устраняться. Устранение или сохранение избыточности, в данном случае основных **-n* и **-r* после и.-е. **-ō/ē-*, „окончательно“ определили, разумеется, соответствующие особенности самой

⁴⁵ Следует особо подчеркнуть, что в лит. *(om)-ė* (ср. *dukt-ė*, хотя он из балт. **-ēr*) представлен именно *-ė* (: лит. *-uō*), а не (**-ēn > *-ēn >*) **-ę*.

⁴⁶ В балто-славянском основной **-ēn* resp. **-īn* (с кратким **-ě-* resp. **-i-*), видимо, был для сред. рода, а основной **-ēn* (с долгим **-ē-*) для несред. рода, ср., напр., гр. (σῶφρ)-ων (с долгим гласным) для муж.-жен. рода и гр. (σῶφρ)-ον (с кратким гласным) для среднего рода. Основные балт.-сл. **-ēn*: **-ēn* (resp. **-īn*) впоследствии могли бы претерпеть соответствующие другие обобщения (распределения). Правда, П. С. Кузнецов (ук. соч., 30), возводя ст.-сл. *(im)-ę* к древнейшему **-ēn* [от подобного возведения ст.-сл. *(im)-ę* воздерживается, напр., А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва, 1951, 119], говорит, что „конечное *-en* с кратким *e* фонетически должно было дать *e*“; однако данное утверждение нам не представляется обоснованным. Более серьезный аргумент для подобной гипотезы считается только ст.-сл. *(kamen)-e* (мест. п. ед. ч.), которую выводят из **-ēn* (напр., П. С. Кузнецов, ук. соч., 27, 45, где, кстати, имеются погрешности в толковании соответствующих литовских фактов); но возведение ст.-сл. *kamen-e* (мест. п. ед. ч.) к **-ēn*, по нашему мнению, является также мало вероятным (подробнее об этом будет сообщено позднее).

⁴⁷ Ср., напр., балт.-сл. **-ōn* (*n*-основный им. п. ед. ч.): **-en-es* (род. п. ед. ч.) или балт.-сл. **-ēr* (*r*-основный им. п. ед. ч.): **-er-es* (род. п. ед. ч.) и т. д., и т. п. Но таковым, т. е. избыточным, не является флексивный **-n* (§ 8), напр., в балто-славянской флексии **-ōn* (род. п. мн. ч.), ср., напр., балт.-сл. **-ō* (дат. п. ед. ч., см. сноску № 11).

фоно-морфологической структуры соответствующих индоевропейских диалектов, ср., в частности, гр. ἄκμ-ων: лит. *akm-uō*. В случае ликвидации избыточности в этих же и.-е. **-ō/ēn* resp. **-ō/ēr* возможно не только отпадение основных (= избыточных) **-n* и **-r* (лит. *akm-uō*, *ses-uō*, *om-ě*, санскр. *māt-ā* и т. п., см. выше), но теоретически допустимо и другое: сокращение долгих и.-е. **-ō/ē* при сохранении основных **-n* и **-r* (в таком случае избыточна долгота). Быть может, на основании этого и следует объяснять, напр., лат. *(mat)-ěr* < и.-е. **-ēr* (= лит. *mót-ė*), лат. *(sor)-ōr* < и.-е. **-ōr* (= лит. *ses-uō*) и др., хотя лат. *(hom)-ō* < и.-е. **-ōn* (лит. *akm-uō*) и т. п. И в том (лат. *mat-ěr* < и.-е. **-ēr*, лат. *sor-ōr* < и.-е. **-ōr*), и в другом (лат. *hom-ō* < и.-е. **-ōn*) случае данная избыточность устранялась особенностями латинской фоно-морфологии, иначе говоря, данная избыточность устранялась „по-латински“ resp. „по-италийски“, а не „по-(обще)индоевропейски“. Это еще раз подтверждает наше допущение (см. выше), что отпадение основных **-n* и **-r* после и.-е. **-ō/ē-* относится к эпохам, намного более поздним, чем (обще)индоевропейская.

KELETAS BALTŲ-SLAVŲ FONETINIŲ FLEKSIJOS ASPEKTŲ

Reziumė

Nagrinėjami bendresnieji baltų ir slavų balsių sistemos kilmės klausimai, plačiau sustojama prie baltų-slavų „prokalbės“ ilgujų balsių: užpakalinės eilės (labializuotų) **ō* (vidutinio pakilimo) bei **ō* (žemutinio pakilimo) ir priešakinės eilės **ē* (vidutinio pakilimo) bei **ē* (žemutinio pakilimo). Prileidžiama išvada, kad baltų-slavų balsiams **ō : *ē* priebalsinė (uždaras skienuo) ir sonantinė (tautosilabinis diftongas) uždarumo pozicija buvo tik žodžio gale. Aptariama baltų-slavų balsių **ō : *ē* raida diftonguose **-ōn*, **-ōr*, **-ēn*, **-ēr*, pvz., lie. *(vilk)-ū* (gen. pl.) = s. sl. *(vlbk)-ъ* < balt.-sl. **-ōn*, lie. *(akm)-uō* = s. sl. *(kam)-y* < balt.-sl. **-ōn*, lie. *(mót)-ė* = s. sl. *(mat)-i* < balt.-sl. **-ēr* ir kt. Nurodomos priežastys, kodėl praslaviškieji **ō : *ē* uždarumo pozicijoje virto ne į s. sl. *a : ě*, kodėl yra s. sl. *(vlbk)-ъ* (gen. pl.) : *(kam)-y* (abiem atvejais turime balt.-sl. **-ōn*) ir kt.